

ЮЖНАЯ ИТАЛИЯ В МОСКОВСКОМ ДОМЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО

SVETLANA M. DEMKINA

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES (IWL RAS)

Abstract – *Southern Italy in the Moscow House of Maxim Gorky*

The article is devoted to the “Italian” collection of the M. Gorky Museum in Moscow, one of the brightest themes in the museum. M. Gorky lived in Italy for almost fifteen years – two approximately equal seven-year periods: Capri (1906-1913) and Sorrento (1924-1933). In the Moscow house of the writer, many things still remind of Italy, which was very dear to Gorky. Among these we can find a copy of the painting by Leonardo da Vinci *Madonna Litta* by A.D. Korin, *Panorama of Sorrento* by his brother, view of the coastal cliffs near the villa “Il Sorito” by N.A. Benois, etc. The artists who visited Gorky tried to capture everything they saw. In the works created in 1911-1913 in Capri by various artists, we see Naples, Vesuvius, Marina Piccola and Marina Grande, Faraglioni, streets, barges. An important section of the collection of photographs is its Italian part: photographs of Italians – a Capri cab; gardener in Gorky’s house; the son of the owner of the “Caffè Morgano”; Capri singers and amateur musicians. Gorky’s personal library contains books about Italy and works by Italian authors.

Keywords: museum; Gorky; Italy; collection; exhibits.

Максим Горький покинул любимую Италию 8 мая 1933 г. Здесь, на юге, он прожил почти пятнадцать лет – с 1906–1913 гг. на Капри и с перерывами с 1924–1933 гг. в Сорренто.

Впервые писатель приехал в Италию в 1906 г. 13 (26) октября его триумфально встречали в Неаполе. В восхищенном восприятии итальянцев образ художника был неотделим от романтического ореола борца, «символа русской революции». После разочарований, связанных с этой революцией, личных переживаний из-за смерти пятилетней дочери Катюши, усталости от поездки в Америку, Италия явилась для писателя утешением и источником вдохновения. В первый день в Неаполе Горький успел очень многое увидеть и всем искренне восхититься. Корреспондентам газет он признавался, что впечатления превзошли все ожидания. Первое эмоциональное ощущение сохранилось у Горького на всю жизнь.

Прекрасный остров Капри – с целебным климатом и дивной

природой – покори́л писателя. Поселившись там, он почувствовал себя физически окрепшим и духовно обновленным. С весны 1924 г. после почти десятилетнего перерыва в жизни Горького вновь наступает итальянский период. Он отличается от первого: политическая ситуация изменилась и в России, и в Италии. Но ожидаемое благостное влияние на здоровье и состояние духа он испытал. В письме З. Пешкову Горький признавался, что чувствует себя детски хорошо и радостно. На вилле «Иль Сорито», расположенной на скалистом мысе Сорренто, Горький прожил больше семи лет.

Гостеприимный дом писателя наполняли художники, артисты, певцы, композиторы, режиссеры: Н. А. Бенуа, Б. Ф. Шаляпин, А. Д. и П. Д. Корины; А. Н. Толстой, В. И. Немирович-Данченко, В. Н. Яковлев, В. Э. Мейерхольд, С. С. Прокофьев, С. Я. Маршак и многие другие. Н. А. Бенуа, главный художник театра Ла Скала, вспоминал: «Трудно вообразить более гостеприимную атмосферу, нежели ту, что царила в прекрасной вилле «Иль Сорито», озаренной его <Горького> присутствием...» [Бродский И. А. 1964, с. 83]. Гости рассказывали о родине, звали вернуться в Советский Союз, где писателя любят и ждут.

Но Горький, проживший много лет «в Италии, самой красивой стране европейского материка» [Горький М. 2006, т. 12, с. 552], не спешил расставаться с ней. Он размышлял об отъезде; медлил, можно сказать, возвращался постепенно. После восторженной встречи на площади Белорусского вокзала в мае 1928 г., поездок по стране, плавания по Волге, посещения фабрик и заводов, писатель вновь возвращался в Сорренто.

В Москве писателю приготовили особняк стиля модерн на Малой Никитской улице, построенный в начале двадцатого века архитектором Ф. О. Шехтелем. 14 мая 1931 г. Горький впервые переступил порог своего последнего дома. Став москвичом, он еще две зимы провел в Сорренто. Потом Горького перестали выпускать из страны, предоставив для отдыха дачи под Москвой и в Крыму.

Многое в особняке на Малой Никитской напоминало о южной Италии. В письме Сулержицкому, рассказывая о своем каприйском житье, Горький несколькими штрихами воссоздал практически «идеальную» картину мироздания: «по комнате летают ночные бабочки <...> Шумит славное мое море, горят звезды, пахнет сырою землей и свежей зеленью...» и «идеальную» картину повседневной жизни: «Имею тысячи три книг, много читаю. Ловлю рыбу, держу птиц, ем щи, кашу, пироги» [Горький М. 2006, т. 8, с. 124]. На Капри все располагало к творчеству. «Я еще никогда не писал так охотно и легко и в этом – вся моя жизнь» [Пешкова Е. П. 1966, т. 9, с. 46], – сообщал Горький Е. П. Пешковой в феврале 1908 г. Здесь написаны статьи и очерки, «Детство»,

«Исповедь», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Русские сказки», «Хозяин», «Случай из жизни Макара», «Рождение человека», пьесы «Фальшивая монета», «Последние», «Чудаки», «Васса Железнова», «Зыковы», «Сказки об Италии».

Московский музей М. Горького – обладатель значительной коллекции, связанной со «Сказками об Италии». «Сказки об Италии» – необычное произведение, непохожее на пасторальные зарисовки и путеводные заметки. Италия и итальянцы воспеты «по-горьковски» в новеллах, сюжеты которых далеки от сказочных. Трамвайная забастовка в Неаполе, рождественский ритуал пастухов – дзампоньяров, открытие Симплонского туннеля, встреча в Генуе детей из Пармы, драматические коллизии человеческих взаимоотношений – отца и сына, матери и дочери, мужа и жены, – для Горького это стало частью собственной жизни. Он знал и любил этих людей и их землю. Точно, подробно и очень поэтично описаны любимый остров Капри; яркий и шумный Неаполь. Оказавшись в тех краях, можно увидеть изображенные Горьким в «Сказках об Италии» каприйские Пьяцетту, Монте-Соларо, церковь Святой Терезы; неапольские набережную Санта-Лючия, площадь Победы, центральный рынок др. Художники, гостившие у Горького, старались запечатлеть все увиденное. На работах, созданных в 1911–1913 гг. на Капри Г. М. Бобровским, В. Д. Фалилеевым, Н. П. Ульяновым, А. А. Чумаковым, Н. А. Праховым, С. Н. Зенковым, А. А. Маневичем, мы видим Неаполь, Везувий, Marina Piccola и Marina Grande, Фаральони, улочки, барки. Сегодня эти произведения, можно сказать, живописные сказки об Италии, в коллекции Музея А. М. Горького. Как и молодых художников, яркость окружающего пейзажа поражала Горького, без усталости стремившегося передать свое восхищение. В своих «Сказках» он останавливает взгляд на ставших привычными для него, но не для русского читателя виноградниках и пиниях, «лапчатых фигах и оливах», «зелени апельсинов», запутанных ветвях граната, «стрелах дрока» и глициниях; со знанием дела описывает пестрое разнообразие рыб (пещони – коралловая рыба, очень тонкая, с розовыми плавниками; золотая сарпа, черные гваррачины, полосатые каньи).

Герои «Сказок» Горького простые люди. Рыбаки, рабочие, старики, дети, юные красавицы, торговцы, пастухи, – с ними писатель прожил несколько лет и полюбил их. На Капри друзей из местных жителей было у Горького немало. Парикмахер Адольфо Скиано, бривший писателя, вечерами пел и играл для него на мандолине; зеленщица делилась переживаниями об уехавшем в далекие края сыне; дон Винченцо и синьора Лючия радушно встречали в своем ресторанчике; газовщик Дженарино, извозчик Карлино и многие другие

были рады поболтать с «синьором Горки». Бертино, племяннику Франческо Спадаро, Алексей Максимович помог поступить в морскую школу на острове Иския, тяжело больного мальчика – сына Антонио Джулиано отправил на лечение, талантливого юношу – Рафаэля Кастелло поддержал в желании стать художником.

В Музее А. М. Горького хранится портрет Франческо Спадаро кисти неизвестного художника¹; он в белой блузе и красном берете, с трубкой во рту, внизу – надпись «Саргі» и неразборчиво фамилия автора. Франческо – местная достопримечательность; рыбак, с гордостью говоривший о себе и Горьком: «Мы, два каприйца, известные всему миру...» [Герасимова Е. М. 1986, с. 66] Безусловно, колоритная фигура представителя семьи потомственных рыбаков нашла отражение в «Сказках об Италии». Мудрый взгляд и лукавая усмешка знаменитого рыбака в неизменной красной шапке – части собирательного образа истинного каприйца – встречаются в горьковских новеллах, («Седой старик ... прищурился хищный, зоркий глаз, режет ножом длинный хлеб... На голове у него красный вязаный колпак с кистью ... старик встряхивает большой, апостольской головою...» [Горький М. 2006, т. 12, с. 18]. Горький не раз выходил в море с семейством Франческо. Однажды, рыбача с местными рыбаками, Горький чуть не утонул: у берегов Иския шторм почти перевернул лодку. Возможно, описывая в 12 новелле бурю, погубившую старого рыбака, автор вспоминал собственные впечатления от встречи с непогодой. С семейством Спадаро – постоянных спутников Горького в рыбацких вылазках – связана целая серия снимков, хранящихся в доме на М. Никитской.

На музейных фотографиях запечатлены многочисленные итальянские знакомые писателя – каприйцы начала прошлого столетия: Луиджи Сальцано, садовник, Джузеппина и Клотильда – дочери горничной Кармелы Аквилеи, Бертино Спадаро – курьер и Франческо Спадаро в неизменном, как на картине, берете. Для Горького они стали близкими людьми, их внешность, привычки, особенности характера нашли отражение в «Сказках об Италии». Молодая вдова Кармела Аквилея служила горничной в доме Горького в течение всего его пребывания на Капри и считалась «своим человеком» в доме. Любимицей писателя была младшая дочь Кармелы – Джузеппина, с которой его не раз фотографировали. Один из авторов такого снимка, Ш. Абениакер, назвал его «Маленький друг Горького». На фотографии девочки 1907 г. сохранилась надпись карандашом: Джузеппинка, – так ласково, на русский манер, называли ее в доме Горького.

¹ Х., м.; погрудно, ¾ вправо. В белой блузе и красном берете, с трубкой во рту. Внизу справа: Саргі; слева: подпись автора (нрзб.). Поступление 1965 г.

Сохранились фотографии – Катальдо Апреа – коренного каприйца, служившего поваром в доме Горького и пользовавшегося особым расположением писателя. Горький называл его своим «большим другом» и в 1914 г., уже из России, прислал подарок. Кубок перегородчатой эмали работы русских мастеров («Русская смальта») с выгравированной надписью по-итальянски «На память другу Катальдо Апреа. М. Горький» хранится у потомков Катальдо на Капри.

Здесь же в итальянской фотогалерее интересны снимки Карлино – каприйского извозчика, возившего Горького и его гостей; Луиджи Сальцано – садовника в доме Горького; Энрико Моргано – владельца магазина художественных принадлежностей, сына Марио Моргано, владельца популярного на Капри «Кафе Моргано», где часто бывал Горький с семьей и гостями; Адольфо Скиано и Джузеппе Масса – каприйцев, певцов и музыкантов-любителей, выступавших в кафе Моргано и на музыкальных домашних вечерах у Горького. Адольфо Скиано (парикмахер) снят с гитарой в руках, торговец Джузеппе Масса с мандолиной.

По воспоминаниям гостей, на этих вечерах звучали исключительно неаполитанские песни, которыми Горький восхищался. «Страшно люблю неаполитанские песни. И, в случае если я приму католичество, а также – подданство итальянское, не удивляйся, не ругайся, не плачь! От любви! От нее – на все пойдешь!» [Горький М. 2006, т. 8, с. 93] – писал Горький с Капри Л. Сулержицкому в июне 1910 г. Неудивительно, что «Сказки об Италии» так музыкальны: неаполитанские напевы слышатся в пейзажах, речи персонажей и движении сюжета. Каприйских музыкантов всегда радушно встречали в горьковском доме. Сам же он часто посещал крошечный – на два столика – рыбный ресторанчик в южной бухте «Пиккола Марина». Хозяином был Винченцо – каприйский рыбак. Из выловленной им рыбы и прочих «даров моря» – креветок, устриц, мидий – хозяйка тут же готовила традиционные каприйские блюда, которыми охотно лакомились туристы. Славе ресторанчика способствовал знаменитый черепаховый суп. Корзину с уловом можно увидеть на фотографии Винченцо с женой и дочерью.

В «Сказках об Италии» Горький описал исполнение тарантеллы так, что не возникает сомнений: он видел танец не раз. Один из каприйских гостей Горького, А. В. Луначарский, вспоминал: «Особенное наслаждение получал он <А. М. Горький> от каприйской тарантеллы, совершенно особенно сохранившейся в этом уголке во всей свежести своих бездонных, каких-то ритуально-эротических корней...» [Луначарский А. В. 1938, с. 47–48]. Среди вещей Горького, как память о тарантелле, хранилась кастаньета, подаренная каприйской

исполнительницей танца. Горький подарил ее русской учительнице, посетившей его на Капри. Впоследствии музей снова получил кастаньету в дар. Запечатленные сто лет назад фигуры напоминают строки из «Сказок об Италии»: «Грянул, загудел, зажужжал бубен, и вспыхнула эта пламенная пляска, опьяняющая, точно старое, крепкое, темное вино; завертелась Нунча, извиваясь как змея, – глубоко понимала она этот танец страсти, и велико было наслаждение видеть, как живет, играет ее прекрасное непобедимое тело» [Горький М. 2006, т. 12, с. 141].

В музейной коллекции находятся натурные портреты Горького, выполненные на Капри художниками А. Мориани, Е. И. Вашковым, И. Е. Дмитриевым-Челябинским, О. Бегасом, Ф. И. Шаляпиным, В. Д. Фалилеевым.

В кабинете, где Горький проводил много времени, напротив письменного стола над диваном висит копия с картины Леонардо да Винчи «Мадонна Литта» кисти Александра Дмитриевича Корина. Это произведение выполнено в 1929 г. на специально заказанной эрмитажному мастеру доске красного дерева. Чтобы повторить существующие на оригинале осыпи, художник использовал лучшие английские краски. Влюбленный в итальянское Возрождение, Горький не мог остаться равнодушным, увидев эту работу в мастерской братьев Кориных. Писатель пригласил талантливых художников к себе в Италию, где братья провели много времени, изучая старых мастеров. Там Павел Дмитриевич Корин написал «Панораму Сорренто», пейзаж с Везувием – вид, открывавшийся из окон кабинета Горького в его последнем итальянском жилище. Художник работал жидким маслом на пяти склеенных альбомных листах бумаги. Этюд был подарен писателю в день его рождения 28 марта 1932 г. Горький проводил долгие часы за письменным столом, и, всякий раз, поднимая голову от рукописи, имел счастливую возможность остановить взгляд на любимых картинах и вспомнить Италию.

В спальне находится дорогой сердцу Горького итальянский пейзаж – вид прибрежных скал около виллы «Иль Сорито». Автор акварели – Николай Александрович Бенуа – гостил у Горького в Сорренто, часто гулял вместе с хозяевами по берегу моря и запечатлел этот пейзаж. Горькому картина очень понравилась; он привез ее с собой и повесил в доме на Никитской. Кроме этой работы в Музее М. Горького хранится шуточная акварельная зарисовка Николая Бенуа – «Горький с родными и близкими у костра в Сорренто». Художник вспоминал:

Иной раз Алексей Максимович звал нас всех после заката солнца на каменистый берег, что расстилался в глубине сада, опускаясь

террасами к морю. Там он разводил огромный костер из пахучих сухих ветвей кедров и олеандров и рассаживал нас вокруг. Вооружившись длиннущим шестом, от времени до времени он разжигал им замиравшее пламя и подымал вихрь искр, устремлявшихся к черному звездному небу, явно испытывая удовольствие от созерцания этого первобытного фейерверка [Бродский И. А. 1964, с. 86].

На рисунке Бенуа изображены: Горький с шестом в руках, разгребаящий костёр, М. А. и Н. А. Пешковы, Н. А. Бенуа и Б. Ф. Шаляпин с женами, П. П. Муратов с маленьким сыном, М. И. Будберг, герцог Серакаприола с дочерьми Еленой и Матильдой и художник И. Н. Ракицкий с балалайкой в руках. Последний персонаж дал зарисовке второе шуточное название – «Песня Соловья» (Соловей – домашнее прозвище И. Н. Ракицкого).

На втором этаже особняка в экспозиции, посвященной последним годам жизни писателя, представлены образцы иконографии Горького, связанные с южной Италией. Это знаменитый портрет М. Горького кисти Бориса Григорьева. Художник создал свое произведение в 1926 г. в Сорренто, где много общался с писателем, вызывавшим у него искреннее восхищение. В дневнике Григорьева читаем: «Горький волнует моё воображение. Он прост, лишён претензий. Он удивителен, блестящ и по-человечески добр <...>»; и о портрете: «Мой холст почти квадратный, сходство с Горьким почти совершенное. Он идёт по полю. Вдали видны крыши деревянных домов, деревенская церковь. За Горьким – толпа героев его книг. Его лицо светится» [Бродский И. А. 1964, с. 92–98]². Портрет получил широкую известность в Европе и Америке. Известный футурист Д. Бурлюк писал, что «...в портрете Максима Горького соединены: и нервная чуткость, присущая Григорьеву, и острый лаконизм формы, усвоенный художником от итальянского средневековья...» [Герасимова Е. М. 1969, с. 36].

В этом же зале выставлены и другие портреты писателя, имеющие итальянские корни. В 1928 г. в Сорренто Горький позировал скульптору С. Т. Коненкову, знаменитому мастеру психологического портрета. Художник был увлечен своей моделью, по его воспоминаниям, они «много говорили, бродили, <...> в этом общении я познавал склад ума моего величайшего собеседника, его одухотворённость и взгляд, устремлённый в будущее <...>» [Коненков С.Т. 1958, с. 94–95]. Экспрессивность композиции, значимость всех деталей, особая

² Григорьев Б. Д. [Дневник]. Речь идёт о приписываемых Григорьеву дневниковых записях под названием «Наброски на песке», опубликованных в США в 1951 году. Русский текст этого издания озаглавлен: Григорьев Б. Д. Страницы из дневника. Февраль-март 1926. Напечатан в книге «Горький и художники» [Бродский И. А. 1964].

пластика – бюст Горького занял достойное место в коненковской галерее великих творцов мировой культуры, таких как «Паганини», «Бах» и др. Горькому работа Коненкова очень понравилась, и пока глина не высохла, он оставил на ней автограф.

Необычным и весьма ценным для художественной коллекции Музея стало полотно датского художника Виктора Хааген-Мюллера. В 1927 г. художник поселился в соррентийской гостинице, напротив виллы, где жил Горький. Госпожа Мюллер вспоминала в письме Музею:

Мой муж познакомился с ним и получил разрешение нарисовать его портрет. В течение февраля и марта 1927 года муж мой выполнил несколько эскизов для портрета и начал писать портрет, который он закончил после своего возвращения в Копенгаген [Чернухина В. Н., Герасимова Е. М. 2005, с. 168–173].

Законченного портрета Горький так и не увидел. В марте 1928 г. он вместе с поздравлением к шестидесятилетию получил подарок – две цветные литографии с одного из этюдов. На первой был дарственный автограф художника, на другой Горький сделал шуточную надпись: «Этюд этот сделан датским художником <...> Viktor Haagen Muller. Объяснений – почему Горький так позеленел? – требовать с художника». В преобладании зеленой гаммы угадываются признаки «северного модерна», хотя портрет писался в ярком солнечном Сорренто. Хааген-Мюллер очень дорожил этой работой, портрет много экспонировался на различных выставках. Незадолго до смерти вдова художника решила передать портрет Музею М. Горького.

В художественной коллекции музея много соррентийских пейзажей. Живописные окрестности Сорренто, улицы и рыбацкие поселки, залив, Везувий и, конечно, знаменитая вилла «Иль Сорито», ее сад и двор, – все это запечатлели И. Н. Ракицкий, В. М. Ходасевич, Ф. С. Богородский, А. Д. Корин и др.

В доме на Малой Никитской сохранилась любимая горьковская коллекция восточного искусства. Серьезное знакомство писателя с японской резьбой произошло именно на Капри, где у моряков можно было очень недорого приобрести интереснейшие образцы. По воспоминаниям Горького, фигурку старика с обезьянкой он купил за ничтожную сумму.

На Капри зародилось и другое увлечение Горького. В 1910 г. он сообщал А. Золотареву: «А я нумизматом становлюсь. <...> Подарили мне несколько десятков греческих и римских монет, я их разглядел, влюбился и увлекаюсь» [Горький М. 2001, т. 8, с. 152]; а в письме Е. П. Пешковой рассказал, что собрал «уже более сотни, и есть вещи весьма интересные» [Горький М. 2001, т. 8, с. 154]. Основу горьковской

коллекции, ныне хранящейся в музее А. М. Горького, составляют западные и, прежде всего, итальянские медали. Среди прочего Горький приобрел «Неаполитанскую серию Тальони», рассказывающую о знаменитых уроженцах южной Италии и Неаполя – Архимеде, Цицероне, Овидии, Торквато Тассо.

Когда-то, в каприйские времена, художник С.М. Прохоров прислал Горькому несколько «зимних» этюдов, о которых писатель отозвался: «Гляжу на них, и веет на меня крепкой русской прохладой» [Бродский И. А. 1964, с. 193]. Сегодня в московском доме Горького как при его жизни бережно хранятся вещи, от которых веет итальянским теплом.

Bionote: Svetlana M. Demkina is PhD in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IMLI RAS); head of the Museum of A.M. Gorky (Moscow); author of about 100 publications devoted to the study of the life and work of M. Gorky, the problems of preserving and popularizing cultural heritage.

Author's address: demkinasvetlana@ya.ru

Библиографические ссылки

- Бродский И.А. 1964 (под ред.), *Горький и художники. Воспоминания. Переписка. Статьи*. “Искусство”, Москва.
- Герасимова Е.М. и др. 1969 (под ред.), *А. М. Горький в изобразительном искусстве*. “Наука”, Москва.
- Герасимова Е.М. и др. 1986 (под ред.), *Художественные материалы Музея А. М. Горького. Описание*. “Наука”, Москва.
- Горький М. 2001, *Полное собрание сочинений. Письма в 24 томах: Письма. 1910–1911 (январь–февраль)*. т. 8, “Наука”, Москва.
- Горький М. 2006, *Полное собрание сочинений. Письма в 24: Письма. Январь 1916–май 1919*. т. 12, “Наука”, Москва.
- Коненков С.Т. 1958, *Слово молодым*. Молодая гвардия, Москва.
- Луначарский А.В. 1938, *Горький на Капри // Статьи о Горьком*. “Гослитиздат”, Москва.
- Пешкова Е.П. 1966 (под ред.), *Архив А.М. Горького. Т. 9. Письма к Е.П. Пешковой*. “Художественная литература”, Москва.
- Чернухина В.Н., Герасимова Е. М. 2005, *Дар из Копенгагена (история одного поступления) // Альманах – 2003. Музеи Российской академии наук*. Научный мир, Москва.